

Ш. М. Батчаев*

МЕЖ ДВУХ ИМПЕРИЙ: ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭДИГЕЯ ДЖАУБЕРМЕЗОВА (ЭНДРЮ СКАЙРВИНГА ХЭЯ)

Статья посвящена жизни и деятельности Эдигея Джаубермезова, активного участника Кавказской войны. Родившийся в семье карачаево-балкарских князей в Чегемском ущелье, он был выдан русским войскам в качестве аманата. Взятый на воспитание в колонию Каррас, был крещен под именем Эндрю Скайрвинг Хэй. С конца 1820-х гг. активно привлекался правительством Великобритании для разведывательной деятельности на Кавказе. Впоследствии перешел на сторону России.

Ключевые слова: Джаубермезов, Карачай, аманат, Каррас, прозелитизм, разведка, Уркарт, горцы, борьба за независимость, Северо-Западный Кавказ, резидент.

История взаимоотношений двух великих государств, двух могущественных империй – Российской и Британской, насчитывает уже несколько столетий. Периоды мирного сотрудничества сменялись соперничеством за сферы влияния в различных областях земного шара, порождая жестокую конфронтацию двух держав.

Первая треть XIX в. вместила в себя все оттенки этих взаимоотношений, что было связано с активным продвижением России на Кавказе, беспокоившее Великобританию.

Среди наиболее активных участников этого противостояния, волей судьбы оказавшегося в разное время по обеим сторонам фронта, стал и выходец из Карачая Эдигей Джаубермезов (в русской транскрипции – Жаубермезов, Жабермесов, Жабирмесов, Жабермезов), вошедший в отечественную и зарубежную историографию, по большей части, под именем, данным ему при крещении – Эндрю Хэй (Andrey Hay)** (в русской транскрипции – Андрей Гей, Хей, Гай).

Следует отметить, что жизнь и деятельность его до сих пор во многом остается загадкой для исследователей, ибо полна противоречивых сведений, требующих дополнительных изысканий.

* БАТЧАЕВ Шамиль Мухтарович, кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск, Россия. Электронная почта: sbatcha@mail.ru.

** Автор статьи считает более уместным использовать именно такое написание имени и фамилии, соответствующее оригинальному произношению.

Родился он в Чегемском ущелье в семье таубиев (князей) Джаубермезовых и получил при рождении имя Эдигей [10, л.1].

Относительно даты рождения документы расходятся. Так, в документе на 1817 г. его возраст указан в 13 лет [14, р. 20], в документе 1838 г. указано, что ему 28 лет [10, л. 1], в другом документе того же года что ему 30 с лишком лет [12, с. 103]. Наиболее предпочтительной, на наш взгляд, является первая дата, как зафиксированная документально и наиболее ранняя.

Детство Эдигея безмятежно проходило в родовом селении, однако развитие Кавказской войны и утверждение позиций России на Центральном Кавказе в начале 1810-х гг. сыграли роковую роль в его судьбе. Джаубермезов был выдан в качестве аманата от Чегемского общества [6]. Именно это событие послужило отправной точкой в его судьбе, полной драматических поворотов.

Помещенный вначале в Георгиевск, он впоследствии, был отправлен в Астрахань, где находился два года. Там он, как отмечал А.П. Бутенев, «приобрел навык к русскому языку и к быту народов образованных» и получил начальное образование [12, с. 103].

К 1813–1814 гг. можно отнести его появление в шотландской колонии. Неясность в биографии Эдигея относится и к этому моменту – одному из ключевых в его жизни. Согласно документам самой колонии, он был выкуплен из рабства, как и другие юные горцы, пополнявшие число новообращенных [14]. Как отмечают современные шотландские исследователи, надежды миссионеров на духовное восприятие «света евангельского учения» местными жителями и их массовую христианизацию оказались напрасны. Поэтому именно выкуп невольников и крещение их стали основным содержанием их прозелитистской деятельности [15, р. 56].

Однако, как известно, Э. Джаубермезов был в числе аманатов – выходцев из знатных горских семей, которые, де-юре, находились на положении заложников, но не рабов! Единственным приемлемым объяснением разницы в определении его статуса со стороны британских и российских источников, может быть то, что стороннему наблюдателю положение аманатов вполне могло показаться сопоставимым с положением невольников. Ведь аманаты были строго ограничены в свободе передвижения – они не имели права покидать без разрешения властей места содержания, за ними велся постоянный надзор. В том же случае, если элита, от которой был взят аманат, предпринимала какие-

либо действия, противоречащие интересам Российской империи, аманаты переводились в отдаленные города, а иногда и отдавались в школы военных кантонистов. Кроме того, условия содержания аманатов оставляли желать лучшего. Неудивительно, что на взгляд просвещенных европейцев начала XIX в., аманаты представлялись пленниками и невольниками.

Не следует исключать и тот факт, что Эдигей, как и ряд других аманатов, мог быть отдан какому-либо помещику (а такая практика бытовала), и этот момент совпал с его освобождением миссионерами.

Как бы то ни было, в возрасте 8–9 лет Эдигей стал членом колонии Карасса. После проведения канонических обрядов протестантизма, он был крещен и стал членом общины. Ежегодник Эдинбургского миссионерского общества (затем переименованного в Шотландское), приводя список жителей колонии на 1817 г., выделил отдельно и 17 новообращенных, принадлежавших к различным горским этносам – кабардинцы, ногойцы, дигорцы, выходцы из балкарских ущелий. В их числе был указан и 13-летний Эндрю Скайрвинг Хэй [8, с. 109–110]. Согласно сложившейся традиции, юные горцы, выкупленные колонистами, получали не только имя своего крестного отца или матери, но и их фамилии. То есть становились их полными тезками. Кем же был человек, имя которого носил новообращенный горец?

Семейная пара мистер и миссис Эндрю Хэй были в числе первых шотландцев-миссионеров, отправившихся на Кавказ. Выйдя из порта Лийт 23 апреля 1803 г., они летом того же года прибыли в Карасс и вместе с остальными поселенцами принялись за обустройство колонии. Хэй активно участвовал и в религиозной агитации среди жителей окрестных мусульманских селений. Однако деятельность его в колонии оказалась недолгой и 18 марта 1805 г., он скончался и был похоронен в Карассе [14, р. 19].

В заметке о смерти Эндрю Хэя, опубликованной в «Religious Monitor», сообщалось, что он оставил после себя наследство в 40 фунтов стерлингов (по тем временам довольно значительная сумма). Эти средства, согласно завещанию Хэя, должны были быть потрачены на выкуп мальчика из местных горских народов. Он должен был получить имя Эндрю Скайрвинг и находиться под защитой и покровительством Эдинбургского общества. Выбор мальчика, согласно последней воле умершего, принадлежал руководителю колонии – преподобному Хенри Брантону [14, р. 19]. Именно Э. Джаубермезова и выбрал Х. Брантон наследником имени Эндрю Хэя.

Отметим, что касаясь своей родни, Эндрю-Эдигей сообщал русскому командованию в 1838 г. о том, что отец его умер, но «он имеет в Карачае племянника Александра Жабермесова» [12, с. 103]. На наш взгляд, Александр был сыном Орусбия Джаубермезова, по всей видимости, двоюродного брата Эдигея. В примечании Е.Г. Вейденбаума к публикации воспоминаний генерала Раевского прямо указывается что «близкий родственник его Урусбий Жабермесов воспитывался в той же колонии, принял христианство с именем Александр и назвался Давидсоном по фамилии своего крестного отца. Он также служил разведчиком на Черноморской Береговой Линии» [3, с. 684]. Дополнительную информацию о У. Джаубермезове сообщает одна из последних работ, посвященных истории колонии, где упоминается карачаевец Томас Дэвидсон, служивший на Черноморской линии в звании капитана [7, с. 141].

При этом, в списке, опубликованном в отчете Эдинбургского общества за 1817 г., где сам Эндрю Скайрвинг Хэй обозначен как «кабардинец», наличествует и 30-летний Джон Томас Дэвидсон, национальность которого обозначена как «шегум» («shegoom») [8, с. 76–77, 82], в котором без труда угадывается британская транскрипция малоизвестного им топонима и этнонима «Чегем».

Попав в общину в возрасте около 10 лет, Эдигей-Эндрю за несколько лет получил довольно солидное, по тем временам, образование в местной школе, овладев, наряду с общеобразовательными предметами, английским и немецким языками. В немалой степени этому способствовали его незаурядные способности. Неслучайно, из всех воспитанников Карраса, именно он получил наибольшую известность...

Восприняв с рвением неопита идеи протестантизма, он прилагал все усилия для распространения его среди ближайших народов. Уже в эти годы Эдигей-Эндрю проявил себя как талантливый оратор, умело доносившим основные догматы христианской веры местным жителям на их родном языке.

В ежегоднике общества за 1817 г. дан и отчет о поездке Александра Патерсона (возглавившего общину после смерти Х. Брантона в 1813 г.) на Крымский полуостров. В этой поездке не последняя роль принадлежала и юному Э. Хэю. Вот что отмечалось в отчете:

«...Крым вызывает громадный интерес у Эдинбургского миссионерского общества. Сейчас мы переходим к путешествию мистера Патерсона на этот полуостров, которое он совершил в прошлом году.

10 мая мистер Патерсон выехал из Карасса в сопровождении Эндрю Скайрвина Хэйя, выкупленного из неволи миссионерами. Они захватили с собою 300 экземпляров Нового Завета и большое количество религиозных трактатов на татарском языке и двинулись к полуострову через степи, протянувшиеся между Кумой и Черкасском-на-Дону.

Мистер Патерсон миновал Ростов и Мариуполь, расположенный на берегу Азовского моря, и через Перекоп выехал в Крым. В Крыму его путь пролегал через Козлов на Симферополь и далее на восток к Феодосии, или Кафе и Керчи. Затем мистер Патерсон и Эндрю Хэй переправились через пролив Еникале на остров Тамань, откуда целыми и невредимыми 18 июля вернулись в Карасс через Кубань... В деревне между Феодосией и Керчью собралась большая толпа татар. Я попросил Эндрю Хей почитать им из Нового Завета, а сам стал раздавать религиозные трактаты русским, которые располагались здесь на военном посту...» [8, с. 76–77, 82].

Помимо самого привлечения юного горца к проповеднической деятельности, отметим и тот любопытный факт, связанный с самим фактом издания религиозных изданий.

Так, академик Г.-Ю. Клапрот, совершивший путешествие по Кавказу в 1807–1808 гг. и посетивший в том числе и Каррас (1807), упомянул о бытовании перевода Библии на карачаевский язык [4, с. 35–36]. Сведения об этом приводит и профессор Х. С. Осборн (США), отмечавший в 1881 г., что «перевод Библии был сделан американскими и английскими миссионерами на языке карачаевских татар, которые обитают в Кавказских горах. Он был опубликован в Карассе, их главном поселении, миссионером отцом Хенри Брантоном в 1820 году» [16, р. 657]. Несмотря на некоторую неточность в датах (Х. Брантон скончался в 1813 г. [14], и потому не мог издавать Библию в 1820 г.) это сообщение ценно тем, что подтверждает существование печатного издания на карачаево-балкарском языке более двух столетий назад.

Как свидетельствуют источники, типография была привезена в Карасс уже летом 1804 г. Причем, наряду с латинскими шрифтами, шотландцы привезли и арабский, что позволяет, предположить, что издание христианских трактатов могло вестись на арабской графике, с которой были знакомы просвещенные кавказцы. Деятельность типографии продолжалась чуть больше 10 лет и летом 1815 г. часть колонистов (4 семьи из 10), вместе со всем оборудованием отправились в Оренбург и Астрахань для продолжения своей деятельности в Волго-Уральском регионе [9, с. 27].

Таким образом, издание первой книги на карачаевском языке следует ограничить временным промежутком 1804–1815 гг. Играл ли какую-либо роль в ее издании Э. Джаубермезов? Судя по возрасту, вряд ли. Однако в составлении словника и переводе текстов трактатов он, как видно, одаренный с детства способностью к языкам, вполне мог принимать участие.

О последующих годах жизни и деятельность Джаубермезова-Хэя можно судить лишь по его собственным рассказам российскому командованию. Он упоминает о том, что в 1821 г. вновь был в Астрахани, различных регионах Северного Кавказа [5, с. 81].

Упадок колонии и отъезд большинства ее членов поставил перед Эдигеем-Эндрю проблему выбора дальнейшего пути. С начала 1820-х г. он неоднократно выезжал в европейские страны (Австрию, Германию, Великобританию), откуда, как впоследствии сам сообщал российскому командованию, «с одним английским лордом отправился в Грецию, там провел около 4-х лет» [3, с. 47]. Кем был этот лорд, сегодня сказать трудно, но, скорее всего, он принадлежал к числу филэллинов – представителей различных стран, принимавших активное участие в войне Греции за независимость от Османской империи.

Там же, в Греции, в 1827 г., Эдигей-Эндрю познакомился с Дэвидом Уркартом (1805–1877), человеком, сыгравшим важную роль в его судьбе. В том же, 1827 г. Эдигей-Эндрю в последний раз посетил родину.... [12, с. 103]

Выехав впоследствии в Крым, в 1828 г. он познакомился с путешественником из Великобритании Томасом Элкоком (Thomas Alkok, в российской литературе Алькок), с которым продолжил путешествовать в качестве переводчика. Возможно, что Элкок был не просто путешественником, а британским разведчиком, собиравшим информацию в странах пребывания. К этому же моменту, предположительно, можно отнести и привлечение им Э. Хэя на службу в разведку. В 1831 г. Элкок опубликовал свои путевые заметки «Путешествие в России, Персию, Турцию и Грецию в 1828 -1829 гг.», в которых, правда, всего парой строчек упомянул о горце-протестанте, сопровождавшем его в поездке. Имя горца он так и не назвал, что, возможно, было связано с тем, что к моменту выхода книги Хэй-Джаубермезов, уже действовал в качестве резидента британской разведки. Рассказывая о посещении им колонии Карасс, Т. Элкок упоминает о методах христианизации окрестных горцев – мусульман. И далее он продолжает:

«Нам повезло пользоваться услугами одного из подобных черкесов, в качестве переводчика, в протяжении всего нашего путешествия из Крыма в Константинополь. Приобретенный / колонистами/ еще ребенком, он делал честь своей общине, превосходно проявив себя в том деле, для которого мы его привлекли. Он был чрезвычайно полезен, так как, помимо русского и своего родного языка, он говорил на английском и немецком (сельскохозяйственная деятельность колонии руководят немцы) и турецком, хотя и не с Константинопольским произношением, но достаточно хорошо, для тех случаев, когда мы в этом нуждались» [13, р. 25–26].

Наиболее обсуждаемым моментом в путешествии Элкока и Хэя является их участие в событиях 11 февраля 1829 г. Советский исследователь Ф. Абдуллаев, основываясь на архивных документах, отмечал, что в начале 1829 г. в столице Персии появились два англичанина, один из которых оказался «черкесом» Э. Хэйем. Проведя некоторое время здесь, они вскоре уехали, а на рассвете 11 февраля российское посольство было атаковано местными жителями. В результате атаки почти все сотрудники, в том числе и посол – А.С. Грибоедов были убиты. Ф. Абдуллаев, как и другие советские историки, выдвигают предположение о том, что во многом именно усилия Элкока и Хэя спровоцировали конфликт и побудили тегеранцев напасть на посольство [1, с. 17]. А шотландский историк и литературовед М. Джоунс статью, посвященную Э. Хэйю, так и назвал – «Эндрю Хэй и интрига с Грибоедовым». Вместе с тем, неожиданность и спонтанность нападения отмечали большинство очевидцев и участников события. Поэтому, до тех пор, пока не будут исследованы материалы британской разведки, делать окончательные выводы было бы некорректно.

С конца 1820-х г. Э. Хэй обосновывается в Стамбуле, где его и привлекает к работе Д. Уркарт. Прибыв в Османскую империю в 1831 г. в составе миссии С. Каннинга в Стамбул для установления границы между Грецией и Турцией, Д. Уркарт за короткое время проникся симпатией к турецкой цивилизации и культуре. Неслучайно, когда обеспокоенная продвижением России на юге, Британия стала предпринимать усилия для объединения народов Кавказа в борьбе с русскими войсками и пыталась вовлечь горцев в орбиту своего влияния, именно Уркарт стал основным проводником этой политики. Он в течение четырех лет находился в Стамбуле, сначала в качестве торгового представителя (1833), а затем два года (1835–1837) был секретарем британского посольства [11, с. 261–217, 219–223].

В течение 4 лет деятельности Уркарта на Кавказе, Эдигей-Эндрю был его главным помощником и посредником в переговорах с горцами. Все основные события этого периода (проведение съездов, создание и распространение «Декларации независимости Черкесии», национального флага адыгских племен и т.д.) приходили при непосредственном участии Хэя-Джаубермезова [5, с. 81]. Однако самостоятельная политика Уркарта, вызвавшая обострение отношений с Россией, вызвала раздражение у британского руководства; в 1837 г. он был отозван из Турции [11, с. 232].

К этому времени (конец 1837 г.) Э. Джаубермезов полностью разочаровался в политике, проводимой Уркартом, поняв, что горские народы являются лишь разменной монетой в большой геополитической игре двух империй. В этой ситуации он принимает кардинальное решение перейти на сторону России и становится главным агентом русских спецслужб на Западном Кавказе [10, л. 2–3]. Разъезжая в качестве купца по аулам ногайцев, абазин и различных адыгских (черкесских) племен, он пытался мирными способами склонить их к принятию российского подданства [10, л. 5–26]. Однако, не всех российских военачальников устраивала деятельность Эдигея. Подозревая его в двойной игре, они всячески способствовали его отзыву в распоряжение командования и уже в 1840 г. его деятельность была свернута [6]. Кто знает, может, будь у Джаубермезова чуть больше времени и поддержки со стороны российского командования и удалось бы избежать многочисленных жертв и массового исхода горцев на чужбину.

Оказавшись ненужным правительству, он попал в крайне трудное материальное положение и был вынужден перебиваться случайными заработками, о чем неоднократно сообщал командованию.

Ознакомившись с положением, в которое попал Хэй-Джаубермезов, император Николай I в апреле 1841 г. распорядился «выехавшему в 1838 г. из Константинополя черкесу Андрею Хаю Жабермесову, в уважение оказанных им нашему правительству услуг по склонению горцев к покорности, производить содержание по 150 руб. серебром в год...» [10, л. 32–32об]

Именно вмешательство императора сыграло свою роль в том, что местное командование нашло возможность устроить Э. Джаубермезова на работу переводчиком при начальнике 2-го участка (занимавшего часть побережья от Геленджика до Навагинского и состоявшего из Геленджика, Новотроицкого, укрепления Тенгинского, фортов Лазарева и Вельяминовского). Это произошло, скорее всего, во второй половине 1841 г. Сменивший осенью 1842 г. Е. Головина, новый командир отдельного Кавказского корпуса А.

И. Нейгардт сообщал военному министру А. И. Чернышеву 24 января 1843 г. о том, что И. Р. Анреп «утвердил черкеса Андрея Хая Жабермезова штатным переводчиком к начальнику 2-го отделения Черноморской береговой линии, в каковой должности он и поныне остается, получая, по разрешению предместника моего, как жалование по сей должности, так и по 150 рублей содержания, назначенного предписанием Вашего Сиятельства...» [10, л. 35–35об].

Однако Э. Джаубермезову недолго пришлось пользоваться благосклонностью императора. Сырой приморский климат, неустроенность быта, разочарованность в политике, привели к тому что, он, в том же 1843 г., тяжело заболел и скончался. 18 января 1844 г. жена Джаубермезова – Пелагея, проживавшая в Керчи с матерью, обратилась с ходатайством о назначении ей «денежного вспомоществования» в связи со смертью супруга. По предложению А. И. Нейгардта, император Николай I предписал выдать П. Хэй 300 руб. серебром в «уважение заслуг покойного мужа» [10, л. 38–41]. Дальнейшая ее судьба неизвестна...

Жизнь и деятельность Эдигея Джаубермезова (Эндрю Хэя) – представителя карачаевской аристократии, волею Всевышнего оказавшегося активным участником противостояния двух великих держав – Великобритании и России, несомненно, требует дальнейшего изучения.

Использованная литература:

1. Абдуллаев Ф. А. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент: Фан, 1971.
2. Архив Раевских / изд. П. М. Раевского; ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. СПб.: тип. М. А. Александрова. 1912. Т. 4.
3. Архив Раевских / изд. П. М. Раевского; ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. СПб.: тип. М. А. Александрова. 1912. Т. 5.
4. Балкария. Страна гор и ущелий. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах / сост., авт. проекта, предисл., комм. М. и В. Котляровы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. Т. 1.
5. Бегеулов Р. М. Карачай в Кавказской войне XIX в. Черкесск: КЧМЗ, 2002.
6. Бегеулов Р. М. Эдигей Казиев – заложник, шпион, дипломат // Вести гор. 2006. № 38.
7. Величко И. В. Просветительская деятельность шотландских миссионеров на Северном Кавказе // Карасские научные чтения, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево: материалы регион. науч.-практ. конфер. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2013. С. 120–123.
8. Загадочный мир народов Кавказа. Записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII – XIX вв. / науч. ред. Р. У. Туганов. Нальчик: Эль-Фа, 2000.

9. Краснокутская Л. И. Иноземцево. Страницы истории (1802–2002). Пятигорск: Россия, 2002.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 836. Оп. 16. Д. 6530.
11. Чеучева А. К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. Майкоп: Качество, 2007.
12. Шамиль – ставленник Султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953.
13. Alcock T. Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece in 1828–29. London: Printed by E. Clarke and Son, 1831.
14. Jones M. Andrew Hay and the Griboedov affair // Journal of Russian studies. 1981. Vol. 42. P. 16–21.
15. Jones M. The sad and curious story of Karass (1802–1835) // Oxford slavonic papers. 1975. no. 8. P. 53–81.
16. Osborn H. S. Remarks Upon the Languages of the Arabs and the Turks // Bibliotheca Sacra. 1881, Vol. 38.

BETWEEN TWO EMPIRES: NOTES ON THE LIFE AND WORK OF ADIGEY JAUUBERMEZ-ULU (ANDREW SKIRVING HAY)

BATCHAEV Shamil M. – Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Usage and Publication of Documents, State Archive of Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia.

E-mail: sbatcha@mail.ru

The report is devoted to the life and work of Adigey Jauubermez-ulu, an active member of the Caucasian war. Born in the family of Karachay-Balkar princes in Chegem gorge, he was extradited to the Russian army as Amanat. Subsequently was taken to be raised in the colony Carras, was baptized under the name of Andrew Skirving Hey. From the late 1820ths was actively recruited by the British government for intelligence activities in the Caucasus. Later he was entered the Russian service.

Keywords: Jauubermez-ulu, Karachay, Amanat, Karras, proselytism, intelligence, Urquhart, the highlanders, the struggle for independence, the North-Western Caucasus, resident.

References:

1. Abdullaev, F. A., Iz istorii russko-iranskikh otnosheniy i angliyskoy politiki v Irane v nachale XIX veka (From the History of Russian-Iranian Relations and British Policy in Iran at the Beginning of the 19th Century). Tashkent: Fan, 1971.
2. Arkhiv Raevskikh (The Rayevskys' Archives), Vol. 4, Raevskiy, P.M., Publ., Modzalevskiy, B.L., Ed., Saint-Petersburg: tipografiya M. A. Aleksandrova, 1912.
3. Arkhiv Raevskikh (The Rayevskys' Archives), Vol. 4, Raevskiy, P.M., Publ., Modzalevskiy, B.L., Ed., . Saint-Petersburg: tipografiya M. A. Aleksandrova, 1912.

4. Balkariya. Strana gor i ushcheliy. Etnos, ekskurs, orografiya v tekstakh i fotodokumentakh (Balkaria. The Country of Mountains and Canyons. Ethnicity, Excursion, Orography in the Texts and Photo Documents), Vol. 1, Kotlyarov, M. and Kotlyarov, V. Comps., Eds., Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2009.
5. Begeulov, R. M., Karachay v Kavkazskoy voyne XIX veka (Karachay in the Caucasian War of the 19th Century), Cherkessk: KChMZ, 2002.
6. Begeulov, R. M., Edigey Kaziev – zalozhnik, shpion, diplomat (Edigey Kaziev – Edigey Kaziev), Vesti gor, 2006, no. 38.
7. Velichko, I.V., Prosvetitel'skaya deyatel'nost' shotlandskikh missionerov na Severnom Kavkaze (Educational Activities of the Scottish Missionaries in the North Caucasus), in Proc. Regional Scientific and Practical Conference 'Karasskie nauchnye chteniya, posvyashchennye 210-letiyu so dnya osnovaniya poselka Inozemtsevo', Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2013, pp. 120–123.
8. Zagadochnyy mir narodov Kavkaza. Zapiski iz arkhivov Edinburgskogo missionerskogo obshchestva i drugikh istochnikov kontsa XVIII-XIX vekov (Mysterious World of the Caucasian Peoples. Notes from the Archives of the Edinburgh Missionary Society and other Sources of the End of the 18-th – 19-th centuries), Tuganov, R. U., Ed., Nal'chik: El'-Fa, 2000.
9. Krasnokutskaya, L.I., Inozemtsevo. Stranitsy istorii (1802–2002) (Inozemtsevo. The Pages of The History (1802-2002)), Pyatigorsk: Rossika, 2002.
10. Russian State Military Historical Archive (RGVIA), Fund 836, Inventory 16, File 6530.
11. Cheucheva, A. K., Severo-Zapadnyy Kavkaz v politike Velikobritanii i Osmanskoy imperii v posledney chetverti XVIII – 60-th godov XIX veka (Northwest Caucasus in the Policy of Great Britain and the Ottoman Empire in the Last Quarter of the 18th – 60ths of 19th centuries), Maykop: Kachestvo, 2007.
12. Shamil' – stavlennik Sultanskoy Turtsii i angliyskikh kolonizatorov (sbornik dokumental'nykh materialov) (Shamil – a Protege of the Sultan of Turkey and the British Colonialists (the Collection of Documentary Materials), Tsagareyshvili, Sh.V., Ed., Tbilisi: State Publishing House of the Georgian SSR, 1953.
13. Alcock, T., Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece in 1828–29, London: Printed by E. Clarke and Son, 1831.
14. Jones, M., Andrew Hay and the Griboedov affair, Journal of Russian studies, 1981, no. 42, pp. 16–21.
15. Jones, M., The Sad and Curious Story of Karass (1802–1835), Oxford slavonik papers, 1975, no. 8, pp. 53–81.
16. Osborn H.S. Remarks Upon the Languages of the Arabs and the Turks, Bibliotheca Sacra, 1881, Vol. 38.